

Импровизированный дуэт Жун Юйхэна и Вэнь Чжэчэна, напоминавший разговор двух комиков, неожиданно стал главной изюминкой всего интервью:

— Он не тянет на главную роль.

— Мне просто не хватает харизмы.

В считанные часы фраза «Главная роль — Жун Юйхэн, не харизматичен — Вэнь Чжэчэн» разлетелась по всему интернету! На фан-сайтах один за другим появлялись мемы и вирусные ролики. Кто-то вырезал сцену из фильма, где Вэнь Чжэчэн, с блестящими от слёз глазами, стоял на фоне закатного солнца — его суровый профиль был полон горечи и решимости... А в следующее мгновение на экране выскакивало лицо Жун Юйхэна в ночь его дебюта, залитое слезами и соплями! Блестящие нити слизи, словно резинка йо-йо, то удлинялись, то сжимались на фоне спины Чжоу Шубая, под ритмичную музыку — и вот вам битва плача:

Жун Юйхэн: «О-о-о-н... он не тянет, не тянет на главную роль!»

А в пару к этому шёл знаменитый момент из «Собрания охотников за сокровищами», где Вэнь Чжэчэн одним рывком выдирает наушники; его же собственный голос, невозмутимо звучащий в такт, многократно повторялся:

«М-м-м-не... мне просто не хватает, не хватает харизмы!»

Пользователи Сети: «Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!»

...

В съёмочной группе Жун Юйхэн листал ленту Вэйбо и немо взирал на экран. Раньше он почти не заходил в эту соцсеть, но после того как они с Вэнь Чжэчэном начали ходить рука об руку в качестве пары, он стал постоянным гостем в горячих поисковых запросах, а вместе с тем — и на Вэйбо заметно чаще.

Вэнь Чжэчэн в этот момент был на площадке, и Сюньгуан, увидев, что Жун мается без дела, подбежала поболтать:

— Ого, «Встреча в городе Чэн» снова покоряет интернет, и на этот раз в совершенно новом амплуа!

Жун Юйхэн: «...»

Возможно, это предвзятость, но ему показалось, что в голосе Сюньгуан звучит откровенное удовольствие от зрелища!

Жун укоризненно посмотрел на неё:

— Ты тоже шарисься на Вэйбо и лопаешь сплетни?

Сюньгуан:

— Мозгу творца нужна постоянная подпитка свежей кровью.

Жун Юйхэн:

— Чтобы писать фанфики о «Встрече в городе Чэн», да?

Сюньгуан замялась, потом тихо вздохнула:

— Поймала...

Как раз зашла речь о фанфиках, и Жун, движимый любопытством, залез на сайт с фанатскими работами и ввёл псевдоним Сюньгуан — «Фэйу». В прошлый раз она хвасталась, что у неё шесть тысяч подписчиков, а теперь уже тринадцать тысяч.

Жун Юйхэн подивился:

— Ты так быстро набираешь аудиторию...

Сюньгуан не стала приписывать заслуги себе:

— Это всё благодаря тому, что объекты достойны.

«...»

Самой популярной на странице «Фэйу» оказалась работа под названием «[Встреча в городе Чэн] Мой питомец превратился в человека!».

Сюньгуан, видимо, была настоящим флагманом фан-сообщества — судя по дате публикации, она накатала этот текст в ту же ночь, когда в сеть просочилась их переписка.

Жун Юйхэн был потрясён:

— Так ты — бездушная печатная машинка!

Сюньгуан скромно поправила:

— Я — бездушный счётчик купюр. Деньги правят миром.

Рассказ взлетел так высоко потому, что он быстро, метко и беспощадно попал в нерв фанатов: милые питомцы, бытовые заботы и, конечно, интимные сценки!

В основе сюжета — прославленный актёр Вэнь Чжэчэн подбирает на улице маленького хомячка. Из-за чрезмерной пушистости он называет его «Жунжун». Он каждый день расчёсывает хомяку шёрстку, купает его, кормит, а ещё ставит прозрачную плошку, чтобы вместе принимать ванну...

Помимо этого, Вэнь Чжэчэн сооружает на подушке гнездо для своего зверька, и они вместе уплывают в сладкие сны.

Но однажды тёмной ночью, когда Вэнь ещё спал, хомяк выкатился из своей подушечной норки, встряхнул шёрсткой — и превратился в человека! После превращения хомячок Жунжун зарылся носом в одеяло Вэнь Чжэчэна, устроился поудобнее у него на груди и продолжил беззаботно сопеть.

И вот на следующее утро Вэнь Чжэчэн просыпается и находит у себя в объятиях белокурое маленькое чудо... «...»

А самое убойное — после превращения хомяк, кажется, свято чтит привычку есть, купаться и спать вместе...

«Хлоп!»

Жун Юйхэн поспешно нажал на кнопку выключения экрана, голова шла кругом, глаза горели, уши пылали.

Твою мать, что это вообще такое?!

Сюньгуан, самодовольно виляя хвостом, не упускала случая похвастаться:

— Ну как, гениальная задумка, да?

Жун Юйхэн с того момента, как «он сам» обратился человеком, чувствовал себя абсолютно не в своей тарелке — этот белый колобок был каким-то чересчур развратным, прямо-таки плюшевый распутник!

А у Сюньгуан описания обладали той убийственной наглядностью, что теперь он не мог смотреть на Вэнь Чжэчэна без смущения.

...

Это труднообъяснимое состояние длилось ещё два дня.

На третий день предстояло снимать сцену «канун разрыва Хуайцина с Бандой Линьтянь».

Когда прежние главари Банды Линьтянь отошли от дел, на их место пришло множество новичков. Цзюянь возглавлял банду, одной рукой поддерживая колоссальные ежедневные расходы, другой — стабилизируя новую низовую структуру. Банда, потерявшая костяк, начала пошатываться; Цзюянь отчаянно спешил выращивать из новобранцев надёжную опору, поэтому ему приходилось непрерывно урезать содержание старых руководителей.

Это привело к тому, что рядовые члены стали воспринимать щедрые ресурсы банды как должное, а мягкий стиль Цзюяня лишь поощрял их наглость. Они творили беспредел под флагом «Банды Линьтянь», провоцируя другие группировки, и при этом яростно грызлись между собой за остатки ресурсов. Репутация Банды Линьтянь с каждым днём падала, а пропасть между Хуайцином и Цзюянем расширялась всё больше.

И вот однажды три банды, пострадавшие от провокаций Линьтянь, объединились и бросили вызов. Цзюянь не мог уйти с поста, поэтому отправил на разборки Хуайцина.

В зале совещаний Банды Линьтянь, за длинным краснодеревным столом, некогда украшенным золотом, теперь сидели лишь двое. Цзюянь, на месте главаря во главе стола, взглянул на Хуайцина, лениво прислонившегося к стене:

— Силы новичков пока не сопоставимы с объединёнными силами трёх банд; у тебя же есть старые связи с их людьми. Возьми наших и пойдёшь на переговоры — может, удастся выторговать хоть каплю снисхождения.

Взгляд Хуайцина был устремлён сквозь резное окно на пруд с травой за залом; по лицу нельзя было прочесть эмоций:

— Я думал, взрослые люди должны отвечать за свои поступки. Цзюянь, ты слишком балуешь новичков.

Цзюянь ответил:

— Все мы — одна банда, как главарь я обязан их защищать. Они же зовут тебя «брат Хуайцин»; неужели тебе не жаль отдавать их на избиение?

Пальцы Хуайцина, сжимавшие меч, побелели от напряжения. Помолчав, он произнёс бесстрастно:

— Цзюянь, я подчищаю за вами дерьмо как бесплатная рабочая сила — и это в последний раз.

Цзюянь нахмурился:

— Хуайцин, ты...

Хуайцин обернулся, приподнял бровь и небрежно перебил:

— Гонорар у меня, между прочим, недешёвый.

...

В этой сцене предстояло снимать драку Хуайцина с тремя бандами; большинство приглашённых актёров были каскадёрами, а в паре сцен с Жун Юйхэном должен был играть актёр второго плана Лу Цзин.

Обоих подвесили на тросах. Жун Юйхэн боялся высоты, и от этого его центр тяжести шатало.

Цянь Синьлэй, видя, что он никак не привыкнет, просто поднял его метров на десять, предоставив самому привыкать.

Жун Юйхэн болтался в воздухе, дрожа от страха...

Теперь ему было совсем не до дурацких превращений; он даже мечтал, чтобы Вэнь Чжэчэн наяву предстал перед ним в образе архангела с распростёртыми крыльями!

Жалобно вцепившись в два троса, он со страхом смотрел вниз, пытаясь отыскать взглядом могучую фигуру своего кормильца-Вэня...

Спустя десяток секунд он разглядел Вэнь Чжэчэна, который стоял вдалеке у скамейки для отдыха — прямую спину, гордую осанку, поднятые руки с телефоном, направленным прямо на него, словно тот снимал его первый в жизни полёт в небесах и трепетную дрожь.

Жун Юйхэн: «...»

Он в одностороннем порядке объявил, что «Встреча в городе Чэн» распускается на полчаса.

Эта мучительная комедия закончилась только тогда, когда Жун Юйхэн сумел взять себя в руки. Только через три часа он кое-как завершил съёмку воздушных боёв.

Когда его опустили на землю, ноги подкашивались. Хотя на дворе стояла уже ранняя зима, лоб и спина его были покрыты холодным потом.

Жун огляделся, но не увидел своего кормильца-Вэня, который так настойчиво «запечатлевал чудесные моменты». Он уже собрался удивиться, как вдруг его окликнул Цянь Синьлэй:

— Сяо Жун, подойди-ка!

Жун отозвался и хотел было побежать, но ноги подкосились, и он кубарем полетел вперед —

— Жунжун, берегись!

— Боже, Сяо Жун!

Звук его колен, ударившихся о землю, смешался с криками членов съёмочной группы — впечатляющее зрелище. Не успел он подняться, как рядом внезапно возникло чужое лицо, и на этом лице была такая искренняя, такая настоящая тревога!

<http://bllate.org/book/18291/1754250>